

Насыров А. Э.

1986/Е

наша гостиная

неделя. 1986. май (№ 22) - с. 43.

ЕГО ВИРТУОЗНАЯ ЧЕЧЁТКА

Лучшей музыкальной кинолентой 1985 года назвали зрители фильм «Зимний вечер в Гаграх». Режиссер-постановщик Карен Шахназаров поделил главную роль картины между двумя исполнителями: пожилого танцора-чечеточника сыграл Евгений Евстигнеев, а этого же танцора в его молодые годы, в расцвете сил и таланта, — артист эстрады Аркадий Насыров. Эпизоды с участием Насырова получились просто блестящими, он продемонстрировал высший класс в своем деле, виртуозную чечетку, поразительное мастерство. На этих днях Аркадий Эдуардович НАСЫРОВ навестил нашу редакционную гостиную.

— Вы ведь, кажется, ровесники со своим киноперсонажем, Аркадий?

— Нет, молодой Беглов в фильме постарше меня, поэтому для съемок пришлось солидности ради временно обзавестись усами. Моему Беглову лет тридцать, а мне 2 июня исполнится двадцать семь.

— О, в таком случае, поздравляем!.. Считаете роль в «Зимнем вечере» трудной?

— И да, и нет. Киноопытом я почти не располагал. Но человека, который стал прообразом Беглова, чечеточника-маэстро Алексея Андреевича Быстрова, хорошо знал: он был моим педагогом в Государственном училище циркового и эстрадного искусства. Карен Георгиевич Шахназаров познакомился с Быстрым во время съемок своей картины «Мы из джаза» и задумал сценарий о степисте (мы, профессионалы, называем чечетку «сте-

пом»). Сценарий они написали вместе с драматургом Александром Бородинским. Меня пригласили сниматься потому, что я подходил на роль по фактуре и, кажется, умею бить чечетку.

— Как будто довольно редкое умение в наши дни?

— Представьте, очень редкое. В свое время было немало великолепных чечеточников, но в какой-то период степ сделался непопулярным у организаторов эстрады и едва не кончился как танцевальный жанр. Видите ли, приемы и тонкости чечетки могут передаваться только из рук в руки (вернее, из ног в ноги). Их надо лишь показывать и перенимать с натуры. Допустим, общий рисунок целого балета можно восстановить по записям, были бы на бумаге в определенной последовательности приведены названия танцевальных движений: батман-тандю, деми-плие, антраша и другие па. А в степе нет правил, канонов и последовательности, он весь зиждется на импровизации. Объяснить его словами, описать на бумаге невозможно; необходимо лишь самому видеть и слышать.

— Вы так и учились этому делу?

— Ну да! Перенимал и развивал то, что показывал Алексей Андреевич; по многу раз просматривал фильмы с участием знаменитого зарубежного степиста Фреда Астера, которого известный балетмейстер Баланчин назвал «танцором века»; по три-четыре часа кряду отрабатывал какой-нибудь «двойной удар» или

другой прием чечетки... В цирковом училище степ считался факультативным предметом, им занимался лишь тот, кто хотел, причем чаще всего прямо в коридоре (меня так и прозвали тогда: «коридорный артист»). По окончании курса учебы на госэкзамене показал специально подготовленный чечеточный номер; экзаменационная комиссия пришла в восторг, даже аплодировала!

— Где вы работали после училища?

— В варьете (пришлось вскоре оттуда уйти, почувствовал, что теряю квалификацию), в цирке, в нескольких филармониях. Но степ там и там был, увы, не в почете.

— Значит, увлечение чечеткой принесло вам немало хлопот?

— Позвольте с вами не согласиться. Это не увлечение. Это любимое искусство. А то, что любишь, полезно проверять испытаниями. Я не вешал нос и бил степ всегда и всюду. Однажды в Эрмитаже мы с мамой (она балетмейстер, мой первый друг и моя творческая поддержка) шли по залу, и я, поверьте, невольно стал ставить ступни так, что получился степ. Полы в Эрмитаже паркетные, акустика превосходная, выходил четкий дробный звук, исходивший непонятно откуда, посетители стали оглядываться и даже смотреть на потолок... Но это так, случай, даже не зависевший от меня: просто я иначе не могу, ноги сами поддерживают некий ритм.

— Вероятно, если бы было иначе, вы не достигли бы высот мастерства?

— Вот именно! Избранное тобой дело должно владеть всем твоим существом! Я постоянно учусь, стараюсь достичь уровня Фреда Астера (и уже сейчас могу повторить многое из того, что умел он; говорю «умел» потому, что теперь, когда Астеру под девяносто, он вряд ли физически способен исполнить буквально все из своего арсенала).